

На второй день после того, как маркиз Вэнь покинул дворец, все придворные узнали, что прежде высокомерный маркиз улыбался премьер-министру так широко, что у него почти не было видно глаз.

На третий день все влиятельные особы столицы узнали, что маркиз Вэнь, вечно враждовавший с премьер-министром, пожаловал к тому в гости.

На четвертый день поползли слухи: император собирается пополнить гарем и выбрать императрицу, и дочь премьер-министра якобы в числе главных кандидатов.

На пятый день, в выходной, премьер-министр разослал приглашения знатым домам и всем чиновникам.

Поместье Се, разумеется, тоже получило приглашение. Господин Се, взглянув на него, скривил губы:

— Не знаю, что еще задумал этот старый лис. Я не пойду. Кто хочет — пусть идет, а Чэн Фан пойдет со мной полоть сорняки.

Чэн Фан звонко отозвался согласием.

Цзыци, глядя на эту парочку, тихо усмехнулся, а затем сказал управляющему:

— Дядя Сюй, я поеду на банкет. Приготовьте мне набор нефритовых чаш Линлун.

Весь мир знал, что император собирается выбирать жену, но при этом государь уже несколько дней не появлялся на утренних аудиенциях — тут явно что-то кроется. Боюсь, этот банкет будет непростым.

Знать, сохранившая влияние за многие поколения, жила в основном на юге столицы, поблизости от императорского дворца. Родственники императора по женской линии и сановники селились на юго-востоке, в особняках, пожалованных короной. Что же касается клана Се, то их дом был дарован лишь потому, что когда-то из их семьи вышла императрица, к тому же они были родней по матери покойного императора. Если отсчитать несколько поколений назад, они были простыми землепашцами. С момента основания государства сменилось уже несколько правителей, и особняк, пожалованный клану Се, в столице считался весьма скромным.

Поэтому путь от поместья Се до дома премьер-министра пролегал через полгорода.

Цзыци, держа в руках свиток, полулежал в карете. Несмотря на шум и суету торговых рядов, он оставался невозмутимым, словно находился в уединении среди гор и рек.

Вдруг карета остановилась. У Чоу постучал в окно. Цзыци приподнял занавеску и взглянул на встревоженное лицо слуги:

— Что случилось?

У Чоу доложил:

— Господин, впереди толпа, карета не может проехать. Я пойду разузнаю, в чем дело.

Цзыци бросил взгляд вперед и остановил его:

— погоди. — С этими словами он вышел из кареты и направился к месту происшествия, а У Чоу молча последовал за ним.

Цзыци бросил один взгляд и сразу понял, что происходит. Системы, затаившиеся в нефритовом браслете, тоже стали свидетелями этой сцены. Никто и подумать не мог, что первая встреча главных героев будет такой банальной — похищение людей прямо посреди улицы.

Система Наложницы: Какая грубость, ломают цветы.

Система Каратель подонков: Мяу.

Цзыци подошел и увидел двух хрупких девушек, противостоящих человеку в роскошных одеждах, который явно был управляющим. Вокруг собралось немало зевак, жаждущих зрелищ.

Этот управляющий служил Великой княжне, а две девушки приехали из деревни. Спор шел из-за того, что управляющий хотел купить их в рабство, а девушки настаивали, что продают только товар, но не себя.

Цзыци взглянул на плетеные корзины из ивовых прутьев у ног девушек.

— Девушка, почему эти корзины?

Как только Цзыци заговорил, все взгляды устремились на него. Встретив восхищенные и полные иных смыслов взгляды толпы, Цзыци посмотрел лишь на корзины. Люди невольно расступились, пропуская его. Цзыци подошел, наклонился, взял корзину и принялся внимательно рассматривать.

Видя, что старшая сестра молчит, Ло Ин звонко произнесла:

— Один лян за штуку, возьмете?

Цзыци покачал головой. Толпа разразилась смехом, лицо Ло Ин тут же вспыхнуло, а Ло Янь потянула сестру за руку, пытаясь удержать. На ее щеках еще не прошел румянец, но она все же сказала:

— Господин, моя сестра просто шутит.

Цзыци продолжал смотреть на ивовые корзины:

— По два ляна за каждую. — Он обернулся к У Чоу: — У Чоу, отнеси их в поместье.

У Чоу скорчил жалобную гримасу:

— Господин, это же слишком много, мне одному не унести. — Он снова посмотрел на корзины — копеечная безделица, а господин готов выложить такие деньги. Если бы он загляделся на красоту девушек, но нет, он почти на них не смотрел. Да и зачем господину, с его-то внешностью, эти девчонки? Ему достаточно в зеркало взглянуть.

Ло Ин, опережая сестру, ответила:

— Мы с сестрой можем помочь донести! Где ваш дом?

Сказав это, она набрала в охапку корзины и прочие плетеные изделия, но на земле осталась еще добрая половина. Ло Янь неловко стояла в стороне, переводя взгляд с Цзыци на управляющего княжны и толпу зевак. Она была в полном замешательстве: уйти — неудобно, поднять остальное — тоже.

Видя ее колебания, Цзыци взглянул на Ло Янь и жестом указал:

— Иди за ним, в поместье с тобой расплатятся. — Затем он снова посмотрел на У Чоу, приказывая забрать остатки.

У Чоу недовольно поджал губы, но смиренно подобрал то, что лежало на земле:

— Девушки, идите за мной.

Управляющий княжны, все это время молча наблюдавший, внезапно преградил путь У Чоу, глядя при этом на Цзыци:

— Господин, это не по совести. В торговле есть свои порядки — кто первый пришел, тот и прав. Вы перехватили товар у самой Великой княжны. — Он окинул Цзыци оценивающим, угрожающим взглядом.

Цзыци, не удостоив его ответом, двинулся дальше. У Чоу насмешливо взглянул на управляющего:

— Какие еще порядки? Вы людей покупать пришли, а мы — товар. Подумаешь, управляющий Великой княжны! Что, теперь можно силой давить? Вы посмотрите, мы в столице, под ногами императора! Если дворяне выше других, то управляющий, что, тоже выше?

Зеваки зааплодировали — в их глазах читалось высокомерие столичных жителей, привыкших

презирать всех и судить обо всем.

— Эй, вы двое, чего застыли? Идите за нами!

Толпа расхохоталась и расступилась, пропуская их. Ло Ин звонко отозвалась согласием и бодро зашагала следом. Ло Янь бросила взгляд на удаляющуюся спину Цзыци, тихо ответила, забрала часть вещей у сестры и, прижимая их к себе, молча пошла за У Чоу.

Несколько слуг тихо спросили управляющего:

— Преследовать? Остановить их?

Управляющий нахмурился:

— Подождите. Сначала вернемся в поместье. — Этот человек явно не испугался имени Великой княжны, но управляющий никак не мог понять, из какого знатного рода этот красавец. Нужно сначала все разузнать, чтобы не навлечь на себя беду.

Цзыци вернулся в карету и снова открыл книгу. Его взгляд упал на строчку: Заимствуя красоту, скрывают коварство, торгуя ею, плетут заговоры — и это будет длиться вечно. Цзыци слегка улыбнулся. Пара сестер хочет прильнуть к власти, Великая княжна хочет использовать их как приманку, чтобы разделить милость императора и укрепить свои позиции, но они даже не подозревают, чьим путем к славе станут в итоге.

Цзыци прикрыл глаза, о чем-то размышляя.

— Господин, приехали, — негромко постучал слуга. Цзыци откинул занавеску и вышел.

У ворот резиденции премьер-министра было полно гостей, но все они вдруг замерли и уставились на Се Цзыци. Слуга, кучер и сошедший с кареты молодой аристократ, от которого невозможно было отвести глаз. Величественный и изящный, но при нем всего два слуги — из какого же обедневшего рода он может быть? А если род настолько беден, то как они могли воспитать такого блистательного юношу?

Все строили догадки, не замечая, что управляющий премьер-министра уже поспешил навстречу, сияя радушием.

— Позвольте узнать, вы молодой господин из дома Се? — почтительно спросил он.

Цзыци кивнул и жестом велел слуге преподнести подарок. После того как слуга передал дар, он отошел к карете и замер, словно молчаливое дерево, источая недюжинную уверенность. Управляющий стал еще почтительнее и проводил Цзыци внутрь.

Когда они скрылись, толпа наконец зашепталась:

— И это тот, перед кем управляющий премьера так расшаркивался? Какая честь! Из какого же они дома?

— Не знаю.

— И я никогда его не видел.

— С такой внешностью и манерами, увидев однажды, забыть невозможно.

Гости вошли в зал, продолжая тихо обсуждать незнакомца, но никто так и не смог вспомнить его имени. Все надеялись завести знакомство на банкете, но, к их разочарованию, этот человек так и не появился в зале.

Цзыци же был приглашен премьер-министром в кабинет наедине.

— Племянник из дома Се, как здоровье твоего отца и деда? Все никак не выберусь их навестить. — В те времена, когда он был бедным ученым, старый господин Се помог ему. Позже, когда его карьера пошла в гору, в доме Се его перестали пускать на порог. Если бы он пришел силой, то, во-первых, побеспокоил бы их, а во-вторых, старик Се мог выставить его вон — было бы неловко.

Цзыци ответил:

— Они здоровы, в последнее время увлеклись садоводством.

Премьер-министр неловко улыбнулся, отпил чаю и, чтобы заполнить паузу, спросил:

— Когда же ты вернулся?

— Несколько дней назад.

По лицу премьера пробежала тень:

— Столько лет прошло, тебе пришлось нелегко. — В те годы фундамент клана Се был слаб, людей мало, грамотных не было. Несмотря на родство с императорским домом, их постоянно высмеивали. Ради чести покойного императора семья отправила единственного сына учиться в академию Цзяннани. Позже покойный император не раз упоминал, что у Се Цзыци великие амбиции: он прошел с караванами через пустыни, плавал на судах через океан, и в столь юном возрасте уже объездил весь мир.

Перед самой смертью покойный император вспоминал юношу из клана Се, но Цзыци так и не успел вернуться к его кончине. Прошло больше десяти лет. А ребенок, которого он видел тогда, превратился в изящного и статного юношу.

Премьер отбросил воспоминания и, наконец, решился задать вопрос, который его мучил:

— Та картина, что оставила твоя тетушка, она еще хранится в доме Се? — Когда мать покойного императора выбирала невестку, она не смотрела на происхождение или внешность,

а использовала лишь одну картину. Говорят, именно так ее саму когда-то выбрали. И эту картину мать императора подарила семье своей невестки — нынешнему клану Се.

Нынешняя императрица-мать при выборе невестки, скорее всего, поступит так же. Премьер знал, чего стоит его дочь, и не тешил себя надеждами, что император влюбится в нее с первого взгляда. Он лишь хотел повторить путь той императрицы, надеясь на благосклонность матери государя.

Цзыци опустил голову, попивая чай, и вместо ответа на вопрос о картине спросил:

— Как здоровье нынешнего императора?

Премьер-министр резко поднял глаза на Цзыци:

— Откуда у тебя сведения?

Цзыци поставил чашку:

— Догадался. Сколько дней государь не выходит к утренним аудиенциям?

Премьер задумчиво посмотрел на Цзыци и протянул:

— Восемь дней. — Как бы велик ни был его статус, он не мог тягаться со старыми кланами. В гареме у него не было своих людей, и это была та область, где он чувствовал свою беспомощность. Чем больше он обретал власти, тем отчетливее понимал, насколько непостижимы и глубоки эти древние роды. Поэтому, пока не случилось катастрофы, он обязан был клонуть на приманку императрицы-матери. Сделать дочь императрицей — это кратчайший путь к еще большей власти.

Цзыци наблюдал за переменами на лице премьера, постукивая пальцами по чашке. Как же это интересно.

В этот момент вошел управляющий:

— Господин, банкет готов.

Взгляды премьера и Цзыци встретились, задержавшись на чайной чашке. Прежде чем премьер успел что-то сказать, Цзыци спросил:

— Слышал, в резиденции есть книгохранилище на десять тысяч томов. Я пришел сюда, мечтая его увидеть, можно ли мне туда заглянуть?

Премьер-министр сказал управляющему:

— Проводи племянника, а потом возвращайся к делам. — Затем он повернулся к Цзыци: — Я не смогу составить тебе компанию.

Се Цзыци кивнул:

— Благодарю, дядя Сюй.

Услышав, как Се Цзыци сменил обращение, премьер расплылся в улыбке и похлопал его по плечу:

— Хороший племянник, тебе пора поступать на службу, помог бы мне.

Се Цзыци с улыбкой покачал головой:

— Дядя Сюй знает наши семейные правила — нам запрещено служить при дворе, да и душа моя не лежит к чиновничьей карьере.

Пока покойный император был жив, он всячески поддерживал клан Се, но те всегда вели себя скромно, не лезли в политику и не создавали проблем, занимаясь благотворительностью. Несмотря на то, что среди вельмож они были почти незаметны, в народе их репутация была безупречной. Премьер с сожалением посмотрел на Се Цзыци — такая проницательность, и не хочет идти во власть, какая жалость.

Премьер-министр ушел, а управляющий проводил Се Цзыци к книгохранилищу.

Здание не выглядело величественным, напротив, в нем чувствовалась утонченность южных земель. Управляющий откланялся, и Цзыци вошел внутрь. У входа сидел человек в синем халате, отвечавший за прием посетителей. Цзыци сделал запись в журнале и вошел.

В библиотеке было два этажа, высокие потолки и ряды книжных полок, создававших атмосферу торжественности. Книги были рассортированы, наполняя воздух ароматом чернил и бумаги. Вдоль полок стояли деревянные лестницы для доступа к верхним ярусам.

Цзыци неспешно прогуливался между стеллажами, его взгляд скользил по корешкам. Он останавливался у нескольких полок, но не брал книг. Дойдя до самого дальнего уголка, он вдруг улыбнулся, заметив одну книгу.

Он достал книгу, собираясь сесть у окна, но в углу увидел девушку, сидевшую на корточках с книгой в руках. Она была в простом сером платье, без украшений, с чистым лицом. Она читала так усердно, что даже не заметила, как кто-то подошел.

Вдруг девушка нахмурилась, словно не понимая содержания. Цзыци, стоя рядом, взглянул на открытую страницу: На обиду отвечать добротой, на клевету — почестями, на подозрение — искренностью. Если нет подозрений, то и страха нет. Служить государю с верностью, не размениваясь на мелочи... Лучшая стратегия — не подкупать мелкими милостями, а действовать в долгую. Мелкие милости каждый может оказать, а долгосрочная стратегия под силу лишь мудрецу. Поэтому лучше служить с лестью, чем продвигаться с верностью. Радовать его — не то же самое, что заботиться о нем.

Цзыци вдруг произнес:

— Что тебя смущает?

Девушка вздрогнула, подняла голову и, увидев Цзыци, растерялась.

— Ты кто?

— Такой же читатель, как и ты.

Девушка протянула ему книгу:

— Здесь сказано, что как бы государь ни сомневался, нужно оставаться верным и предлагать долгосрочные стратегии. А если император — не мудрый правитель? Если кто-то плетет интриги против честных людей, должен ли этот человек продолжать хранить верность, даже если на кону жизнь всей его семьи?

Цзыци взял книгу, не глядя в нее, и спросил в ответ:

— А ты хочешь занять его место? Или продолжать хранить верность?

Девушка замерла, тихо повторив:

— Занять его место?

Неужели? На мгновение выражение ее лица изменилось. Нет, это невозможно.

Цзыци закрыл книгу, глядя на обложку:

— Ты любишь исторические хроники?

Девушка молча кивнула, ожидая его оценки с надеждой и тревогой. Она не знала, чего ждет. Все остальные, видя ее с историческими книгами, лишь качали головами, говоря, что девушке это не к лицу. Этот человек, возможно, другой.

— Чьи хроники тебе нравятся? — с улыбкой спросил Цзыци.

— Великого историка Сыма Цяня. Он первым начал писать биографии по личностям, каждый герой оживает, будто ты сам участвуешь в событиях. Он никогда не добавлял вымысла, все подтверждено фактами. Его суждения беспристрастны...

Цзыци смотрел, как девушка, сначала осторожно, а потом все более увлеченно, рассказывает об этом. В уголках его губ заиграла легкая улыбка. Заметив это, девушка тут же умолкла, опустила голову, коря себя за излишнюю откровенность с незнакомцем.

— Я... — начала она.

Но Цзыци перебил ее:

— Ты все правильно говоришь.

Девушка покраснела, но снова подняла голову:

— Правда?

Цзыци кивнул:

— Любовь к истории не есть преступление. Это ничем не отличается от любви к вышивке. — Он вернул ей книгу. — Если бы все люди были одинаковыми, был бы этот мир хоть сколько-нибудь интересен?

Девушка взяла книгу, встала и серьезно посмотрела на него:

— Спасибо.

Цзыци улыбнулся в ответ:

— Уже прошел час змеи, ты не спешишь?

Девушка изменилась в лице:

— Ой, мне пора!

Она поспешно выбежала, но у дверей обернулась и пристально посмотрела на Цзыци:

— Спасибо тебе.

Цзыци проводил ее взглядом, на его лице играла легкая улыбка.

Он прошел мимо полка с историей к столу с письменными принадлежностями. Нарезал полоски бумаги, взял кисть и отправился к стеллажам. Из каждой книги он доставал листок, просматривал его и вкладывал полоску бумаги.

Через ряд стеллажей он закончил. Взглянув на небо, он взял книгу, подошел к человеку в синем халате, загнул страницу, закрыл ее и положил на стол. Постучав пальцем по обложке, он сказал:

— Передайте премьер-министру.

Цзыци вышел из книгохранилища. Во дворе было тихо, вдали сияли огни, служанки разносили

блюда, доносился шум банкета. Цзыци насмешливо усмехнулся и направился к выходу. Никто его не заметил.

Стражник у ворот удивился, увидев его:

— Господин, почему вы так рано уходите?

— Дома дела, — не останавливаясь, ответил Цзыци и вышел из поместья. Слуга и кучер поспешили к нему.

Управляющий вбежал в зал и что-то прошептал на ухо премьер-министру. Тот едва заметно кивнул, дал знак управляющему и продолжил пировать.

Банкет затянулся до полуночи. Музыка стихла, гости были почти в стельку пьяны. Маркиз Вэнь, пошатываясь, поднялся и подошел к совершенно трезвому премьеру, обняв его:

— Старина Сюй, я пью за твое здоровье, выпьешь со мной?

Премьер осушил чашу, предложенную маркизом, и вдруг спросил:

— У меня на столе гора докладов, все ждут высочайшего решения. Маркиз Вэнь, когда же император выйдет к утренним аудиенциям? Конечно, мы все знаем о его сыновней почтительности, но завтра министры подадут коллективное прошение — сможет ли государь явиться?

<http://bllate.org/book/19854/1954669>